

Цинь Нань был на два года младше Линь Тунси. Когда они только начинали работать вместе, он уважительно звал его «господин Линь», но стоило им сойтись поближе, как официоз сменился простым и теплым «брат».

Он был единственным ребенком в семье. В их доме всем заправляла властная бабушка, которая души не чаяла в своем втором сыне. Отец и младший дядя Цинь Наня практически не имели права голоса, что уж говорить о внуке, чье мнение вообще никого не интересовало.

Решение бабушки отправить его за границу было продиктовано чистым расчетом. Старуха до смерти боялась, что Цинь Нань станет помехой для ее любимчика, и поспешила убрать парня с дороги, расчистив второму дяде прямой путь к креслу главы семейного бизнеса.

До пятнадцати лет Цинь Нань еще считал свою семью сносной. Но после того как его родители одновременно тяжело заболели и впали в вегетативное состояние, дом окончательно лишился тепла и превратился в склеп. Поездка за рубеж позволила ему сбежать от удушающей атмосферы, но взамен сделала его глубоко одиноким человеком.

Вернувшись на родину, он горел лишь одной целью — вернуть то, что принадлежало ему по праву.

Линь Тунси казался ему самым надежным и подходящим союзником, и дальнейшие события лишь подтвердили его правоту. Однако, сколько бы лет тебе ни было, когда на плечи давит непосильный груз, рано или поздно наступает предел. Перед толпой можно держать лицо, но рядом с тем, кому по-настоящему доверяешь, маска неизбежно дает трещину.

Тогда ему едва перевалило за двадцать три. Дела шли из рук вон плохо, неудачи сыпались одна за другой. Пытаясь заглушить тоску алкоголем, он в порыве слабости крепко обнял оказавшегося рядом Линь Тунси. Уткнувшись ему в плечо, он хмельно и по-детски обиженно лепетал о своих невзгодах, называя его братом... и как-то незаметно, в пьяном угаре, они оказались в одной постели.

Линь Тунси был невероятно хорош собой, обладал безупречной фигурой, а в делах всегда проявлял предельную четкость. Он не имел ничего против физической близости, но сразу выдвинул жесткое условие: только тело, никаких чувств. Зажатый в тиски врагами Цинь Нань не смел искать кого-то на стороне, поэтому, когда Тунси согласился, он без лишних раздумий и с легким сердцем перевез к нему свои вещи.

Признаться честно, эти полтора года их тайной связи принесли обоим колоссальное удовольствие. Но когда пришло время поставить точку, Линь Тунси легко и безболезненно вышел из игры, тогда как Цинь Нань внезапно осознал, что увяз по уши.

Прежде из-за вечной суеты у него просто не оставалось времени, чтобы всерьез заняться Тунси. И вот теперь, когда он наконец выкроил момент и пришел к нему, его отвергли без малейших колебаний. Каково это — открыть душу и получить ледяной отказ? Разумеется, Цинь Нань чувствовал себя глубоко уязвленным.

Он влюбился без памяти, а Линь Тунси не испытывал к нему ровным счетом ничего. Неужели он настолько растерял свое обаяние? Цинь Наня начали грызть сомнения.

«А ведь Лэ Бэй оказался прав, — подумал Линь Тунси. — Этот волчонок действительно никак не может меня забыть».

Стоило Цинь Наню жалобно позвать его «брат», как перед глазами Линь Тунси завертелись воспоминания об их первой бурной ночи. Тот пьяный, покрасневший от слез и алкоголя мальчишка, который судорожно сжимал его в объятиях... Уловив едва заметный, горьковатый шлейф спиртного, Тунси почувствовал, как внутри него дрогнула какая-то струна.

Взглянув в глаза собеседника, он тихо произнес:

— Мне уже двадцать семь, Цинь Нань.

Тот опешил:

— А? — Он искренне не понимал, к чему клонит Тунси.

— Еще три года, и мне стукнет тридцать, — спокойно продолжил Линь Тунси. — Для актера это не приговор, впереди еще много перспектив. Но сейчас я рассуждаю точно так же, как в день своего дебюта. Я хочу просто играть. Сниматься в хороших проектах, раскрывать интересных персонажей, выпускать качественные картины, которые найдут отклик у зрителей. Отношения требуют слишком много сил. Это хлопотно и отвлекает от главного. Мне это сейчас попросту не нужно. С моими предпочтениями глупо рассчитывать на традиционный брак и детей, так что я даже не забиваю себе этим голову. Ты замечательный, Цинь Нань, но у нас разные приоритеты. Мы не подходим друг другу.

В свое время, когда Тунси предложил ему связь без обязательств, Цинь Нань согласился не раздумывая. Тогда он рассуждал точно так же: любовь — это лишняя головная боль, а секс без чувств — идеальный вариант. К тому же забот тогда хватало и без сердечных переживаний.

В те дни он и думать не хотел о романтике и никогда не спрашивал, что Тунси думает об отношениях. И теперь, слыша из его уст собственные прошлые мысли, Цинь Нань испытывал странное, двоякое чувство.

Он снял пиджак, небрежно перекинул его через руку, ослабил узел галстука и расстегнул пару верхних пуговиц рубашки, слегка обнажив ключицы. На его губах заиграла мягкая усмешка:

— Брат, пусть я и младше тебя на два года, но смотрю на вещи точно так же. Мне двадцать пять. Мой отец возглавил корпорацию примерно в этом же возрасте, и его ситуация была не менее запутанной. Мне, как и ему в свое время, приходится полностью отдавать себя карьере. Ты ведь знаешь, что творится в нашей компании. Людей, которым я могу доверять, раз-два и

обчелся, зато желающих вставить мне палки в колеса — пруд пруди. Бизнес держится на плаву, но раз уж я занял этот пост, мне нужно показать результат. Выдать показатели лучше, чем при моем втором дяде. Я прекрасно понимаю, что любовь крадет время и силы. Но это касается лишь пустых, выматывающих интрижек. А союз с таким человеком, как ты, — это совсем другой уровень. Двоим всегда легче пробивать дорогу, чем одному воевать со всем миром, разве нет?

Линь Тунси внимательно всматривался в его лицо. Цинь Нань действительно был чертовски хорош собой. Минуту назад, застегнутый на все пуговицы и в золотых очках, он казался строгим, умудренным опытом дельцом. Но стоило ему снять очки, сбросить пиджак и распустить галстук, как от него мгновенно повеяло дикой, необузданной дерзостью.

Двадцать пять лет — самый пик мужской силы, когда кровь буквально кипит в венах. Даже при его сумасшедшем рабочем графике провести три месяца в полном воздержании наверняка было мучительно. Линь Тунси прекрасно это понимал. Тем более их прошлая совместимость... что уж скрывать, в постели они подходили друг другу идеально.

Взгляд Тунси потеплел, в нем промелькнуло искреннее сочувствие:

— Слушай, может, мне подыскать тебе кого-нибудь? В твоём вкусе. Могу гарантировать, что человек будет надежным, не болтливым и с безупречной репутацией. Что скажешь? Если все сложится удачно, сможете постепенно сблизиться и начать встречаться.

От этих слов у Цинь Наня перехватило дыхание. В груди разлилась горькая, удушливая обида.

Конечно, идя сюда, он не питал иллюзий и понимал, что с первого раза крепость не взять. Но он никак не ожидал, что Тунси настолько извратит его намерения. Ему не нужен был абы кто для снятия напряжения. Ему нужен был только Линь Тунси.

Видя непреклонность Тунси, Цинь Нань решил не давить. Он отступил на пару шагов, глубоко вдохнул, справляясь с эмоциями, и принялся приводить себя в порядок. Надел пиджак, застегнул верхние пуговицы рубашки и перед зеркалом заново затянул галстук идеальным узлом.

Поймав в отражении взгляд стоящего позади мужчины, он недовольно скривился:

— Оставь эту затею. Терпеть не могу свидания вслепую.

Поправив упавшую на глаза челку, Цинь Нань развернулся к Линь Тунси. Его голос зазвучал заметно мягче, с затаенной мольбой:

— Брат, я не буду принуждать тебя к отношениям. Но ты сам обещал, что мы останемся друзьями. Пожалуйста, когда я пишу тебе, не оставляй мои сообщения без ответа. Хотя бы

пару слов напиши, ладно? Когда ты молчишь, я места себе не нахожу, — негромко пробурчал он под нос. — Жду часами, с утра до глубокой ночи — и все впустую. Мне ведь больше некому писать. С родственниками я давно не общаюсь. Ты единственный, с кем я могу поделиться тем, что на душе.

Линь Тунси со вздохом покачал головой:

— У тебя совсем нет друзей?

— Меня предавали столько раз, сам же знаешь, — с горечью отозвался Цинь Нань. — Я больше никому не доверяю. Но ты совсем другой, Тунси.

Роскошная уборная пятизвездочного отеля сияла великолепием. Мягкий золотистый свет дизайнерских светильников ложился теплыми бликами на плечи Цинь Наня, одетого в изысканный серебристо-серый костюм. Стоя всего в двух шагах от него, Линь Тунси отчетливо видел в его глазах глубокую затаенную обиду и вместе с тем — обезоруживающее, кристально чистое доверие.

Он прекрасно понимал, что этот хитрый волчонок сознательно разыгрывает карту обиженного ребенка, чтобы заставить его отступить. И все же сердце предательски дрогнуло. Линь Тунси опустил взгляд, разглядывая причудливые тени на мраморном полу, и тихо обронил:

— Будет время — отвечу.

Юность Цинь Наня после отъезда из страны была суровой и лишенной тепла. Еще во времена их «сотрудничества» Линь Тунси заметил в его характере опасные, мрачные грани. Этот парень легко поддавался слепой ярости: стоило задеть его за живое, как он переставал контролировать свои поступки и шел напролом, не думая о последствиях.

Когда в прошлый раз один из приятелей подставил его, Цинь Нань в порыве бешенства едва не отправился вершить самосуд со своими амбалами. Линь Тунси тогда буквально удержал его за руку и заставил решить вопрос законным путем, заставив предателя заплатить сполна.

Дай волчонку волю, он бы уже давно угодил за решетку. Линь Тунси не хотел, чтобы тот разрушил свою жизнь из-за кучки подлецов. А ответить на пару сообщений — не такая уж великая плата за его душевное спокойствие.

В конце концов, наставлять заблудшие души на путь истинный — вполне достойная миссия для публичной фигуры.

Простая уступка мгновенно преобразила Цинь Наня. На его лице расплылась довольная мальчишеская улыбка:

— Спасибо, брат.

Абсолютно счастливый, он толкнул дверь, еще раз лукаво оглянулся на прощание и покинул уборную.

Линь Тунси проводил его взглядом, подошел к зеркалу и неторопливо поправил воротник. Выждав для приличия пару минут, он тоже вышел в коридор.

В банкетном зале было жарко от работающего отопления, поэтому Тунси скинул легкую куртку и вернулся за столик в одной белоснежной рубашке.

Режиссер Ся Чуньчжи увлеченно беседовал с Цинь Нанем. Заметив Тунси, оба приветливо заулыбались и жестом пригласили его к столу. Цинь Нань теперь держался безупречно — вежливый, сдержанный инвестор, будто они познакомились только сегодня вечером.

На улице стоял мороз, поэтому на столе исходил паром сытный хого. Опасаясь, что брызги жира испортят дорогую вещь, режиссер протянул Линь Тунси чистый нагрудник. Тот с благодарностью принял его и, завязывая тесемки за шеей, поинтересовался:

— Дядя Ся, а на роль императора уже кого-то утвердили?

«Персик за горой» задумывался как фильм с двумя главными героями. Персонаж Тунси был ключевым, однако фигура императора имела не меньшее значение для сюжета. Если самого Тунси режиссер утвердил практически сразу, то со второй ключевой ролью возникли трудности. Съемки должны были начаться со дня на день, так что кандидатуру наверняка уже согласовали.

Ся Чуньчжи довольно рассмеялся:

— Как раз собирался поделиться отличной новостью! Буквально вчера подписали контракт. Роль императора исполнит Гао Лан. Мы перебрали кучу вариантов, но поняли, что лучше него не справится никто. К счастью, у него нашлось свободное окно в графике, да и сам сценарий его зацепил. Через пару дней он уже прибудет на съемочную площадку.

— Учитель Гао действительно согласился? — Линь Тунси удивленно приподнял брови, а его глаза радостно блеснули.

Гао Лан был признанным корифеем кинематографа, обладателем множества престижных премий, который уже работал с Ся Чуньчжи. Для Тунси возможность перенять опыт у столь выдающегося мастера была невероятной удачей.

Цинь Нань, не спускавший с него глаз, мгновенно уловил эту искреннюю радость. В его душе завывала тревожная сирена. Этому киноимператору едва перевалило за тридцать, и он до сих пор

ходил в холостяках. Одного этого факта было достаточно, чтобы молодой председатель Цинь почувствовал острую вспышку ревности.

<http://bllate.org/book/20602/2108964>